

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.07

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКИХ ФЕДЕРАЦИЙ

М.Х. Фарукшин

ФАРУКШИН Мидхат Хабибович, доктор философских наук, профессор кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета. Для связи с автором: Midkhat.Farukshin@kpfu.ru

Фарукшин М.Х. Институциональные основы этнических федераций. — Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 103-117. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.07>

Статья поступила в редакцию: 17.05.2016. Принята к печати: 09.09.2016

Аннотация. В статье рассматриваются институты этнического федерализма. Основное внимание уделено исследованию двух вопросов — инструментальной роли этнических федераций и создаваемых ими условий для политического представительства этнических групп. Подчеркивается, что этнофедерации способны как сыграть позитивную роль, так и создать риски для целостности федеративного государства. С одной стороны, этнические федерации формируют благоприятные условия для реализации этническими группами права на самоопределение вплоть до установления своей национальной государственности или политической автономии в рамках единого федеративного государства, а также предоставляют двоякий способ защиты интересов этнических меньшинств. Формирование субъектов федерации по национально-территориальному принципу расширяет возможности для защиты государственными средствами культуры, языка, традиций, этнической идентичности титульной нации субъекта федерации. Этнофедерализм может способствовать социальной интеграции общества и воспрепятствовать развитию сепаратистских тенденций, а также содействовать ослаблению межэтнических конфликтов и сохранению целостности государств. С другой стороны, нередко этнические федерации бывают нестабильными. При определенных обстоятельствах в них создаются условия для этнической мобилизации в корыстных интересах этнических политических элит. Из противоречивого взаимодействия двух общепризнанных принципов международного права — территориальной целостности государств и права наций (народов) на самоопределение — вытекает необходимость в практическом плане дифференцировать оценку сепаратизма. Этнический федерализм характеризуется наличием специфических институтов политического представительства этнических групп. В статье анализируются условия использования этих институтов и способы представительства этнических групп в органах государственной власти: пропорциональность, паритетность, квотирование, резервирование, включение представителей этнических меньшинств в избирательные списки общенациональных партий.

Ключевые слова: этническая федерация; этнофедерализм; институт; этническая группа; политическое представительство; этнические меньшинства; право на самоопределение; этнический конфликт.

По подсчетам международной организации *Forum of Federations*, из 25 существующих в мире федераций 14 являются этническими. Это федерации, в которых два, несколько или все субъекты образованы по этническому, точнее, этнотерриториальному принципу, или, иными словами, “государство является этнофедеративным в той степени, в какой его административные границы совпадают с границами проживания этнической группы” [Deiwiks 2010].

Этнические федерации — это реальность, обусловленная рядом факторов, главным из которых выступает многонациональный состав общества, отража-

ющийся в государственном строительстве. По мнению М. Бёрджесса, в этнически разнородном обществе альтернативы этнофедерализму нет: “остается фактом то, что трудно предусмотреть, какие альтернативы федеративному устройству... могли бы быть в таких странах, как Канада, Индия, Бельгия, Швейцария и Малайзия. Критики понятия многонациональной федерации должны, следовательно, привести сильные доводы в пользу жизнеспособной альтернативы” [Burgess 2006: 110].

В отличие от чисто территориального федеративного устройства этнические федерации имеют ряд особенностей в институциональных основах, призванных обеспечить в обществе и государстве единство в многообразии и способствовать разрешению возникающих при этом проблем. Институционализация в этнической федерации должна быть направлена, с одной стороны, на реализацию коренных интересов этнических групп, введение гарантий их равноправия, с другой – на интеграцию этих групп в едином и стабильном обществе на базе общегражданской идентичности.

Несмотря на научную и практическую значимость проблемы институциональных основ этнических федераций, ее изучению в отечественной политологии редко уделяется внимание. Чуть ли не единственным исключением являются две статьи О.Г. Харитоновой, посвященные институциональным проблемам югославской федерации [Харитонова 2013; Харитонова 2014]. Собственно, в значительной мере это замечание относится и к проблеме этнических федераций в целом.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

104

В отечественной и зарубежной политической науке отношение к этнофедерациям остается противоречивым. Оно колеблется от признания достоинств этнических федераций и их положительного практического значения до полного отрицания этнофедерализма и выявления негативного влияния этнического фактора на стабильность федеративных государств.

С одной стороны, ударение делается на способах, которыми институты этнофедерализма могут создать или усилить этнические идентичности или даже подготовить регионы к независимой государственности, прокладывая таким образом дорогу к сепаратизму. С другой стороны, указывается на то, что те же самые институты могут действовать как сохраняющие мир, потому что они отвечают региональным или этническим требованиям самоопределения для субгосударственных единиц [Vakke et al. 2009: 246].

Что касается оценок этнофедерации в отечественной науке, то, пожалуй, доминирующей тенденцией является обоснование опасности и соответственно отрицание этнического характера федерации [Филиппов 2013]. Как достаточно точно было замечено, “значительное число ученых и политиков считает необходимым ликвидировать этнический фактор в российском федерализме и перейти исключительно к территориальной модели федеративного устройства. Правда, мало кто из авторов подобных идей задается вопросом, как реализовать их в политике” [Этничность. Культура. Государственность... 2014: 4]. Добавим: и никто из них не просчитывает последствия, начни власть осуществлять эти идеи.

При взвешенном подходе нельзя не видеть, что в реальности этнический федерализм и его институты могут как играть положительную роль, так и нести с собой риск поставить под угрозу целостность государства.

Позитивным свойством этнофедерализма является то, что он позволяет реализовать основополагающее право этнической группы — право на политическое самоопределение — возможность свободно определять свою судьбу вплоть до создания собственной национальной государственности.

При этом самоопределение может выразиться в различных формах [Декларация о принципах... 1982: 10]. Одна из них — создание своей национальной государственности или получение, по крайней мере, политической автономии в составе федеративного государства. Как справедливо отмечалось в литературе, “федерализм рассматривается как средство, позволяющее достигнуть компромисса между потребностью в территориальной целостности государства и устремлениями этнонациональных групп к определенной мере автономии и самоопределению” [Schertzer 2008: 109].

В условиях России ценность федерализма справедливо связывается с интересами “сохранения управляемости страной и сдерживания сепаратистских устремлений регионов, территориально или этнически недостаточно интегрированных в единое общероссийское политическое и социокультурное пространство” [Пантин, Лапкин 2015: 78]. Однако федерализм ценен не только этим. Важно отметить также роль этнической федерации — как способа удовлетворения коренных интересов титульной нации субъекта федерации, и в первую очередь в области этнической культуры, языка, традиций, сохранения этнической идентичности. Замечено, например, что та часть титульной нации, которая проживает на территории своей республики, лучше владеет родным языком, чем та часть, которая оказалась за ее пределами [Дьячков 1993: 100]. Иначе говоря, именно национальная государственность еще может в какой-то мере обеспечить сохранение языков этнических меньшинств.

Значимость этнофедеративной формы государственного устройства определяется тем, что этнофедерализм выступает в роли инструмента, позволяющего отразить этническое многообразие общества и выступить в роли интегрирующего фактора. Вероятно, именно с интегрирующей и консолидирующей ролью федерации связано то обстоятельство, что в последние годы в связи с событиями в Ираке, Судане, Афганистане, Украине, Сирии и ряде других стран федерализм стал рассматриваться отдельными экспертами как, возможно, удобная институциональная форма смягчения существующих там конфликтов. По мнению некоторых авторов, “все чаще и чаще федерализм рассматривается как механизм, который может институционализировать и таким путем примирить конфликтующие интересы территориально определенных этнических групп в государстве; конфликты, связанные с идентичностью и престижем, могут быть смягчены введением значительной этнической автономии” [Stanovićić 1992: 364-365].

Теоретическое оправдание состоит в том, что “федерализм может соединить самоуправление с разделенным управлением, оставляя нетронутым федеративное государство, признавая в то же время территориальные этнические группы” [Iff 2013: 227]. Международная практика свидетельствует о том, что в ряде случаев этнофедерализм стал исключительно важным инструментом сохранения целостности государства. Так, он спас от дезинтеграции и нестабильности Эфиопию. Взятый в Бельгии курс на этнофедерализм в немалой степени помог сохранить целостность государства.

Национально-территориальный принцип организации федерации мог бы вызвать возражения только при одном условии: если бы этнотерриториальные субъекты имели более привилегированный статус, чем другие субъекты феде-

рации, организованные на базе территориального принципа. При торжестве принципа конституционного равноправия есть основание говорить о том, что национально-территориальный принцип организации федеративного государства никаких преимуществ одним субъектам федерации перед другими не дает.

Этнофедерализм нельзя считать неким идеальным конструктом. С ним связаны определенные риски, и в первую очередь тогда, когда его институциональные устои пытаются использовать в корыстных интересах этнические политические элиты. При этом противники этнических федераций разделились на две группы: тех, кто отрицает этнофедерализм абсолютно, от начала до конца, и тех, кто усматривает в нем отдельные принципиальные недостатки.

Абсолютное отрицание этнофедераций мотивируется тем, что они нестабильны и ведут к разрушению государства. При этом нельзя сказать, что такого рода утверждения вообще лишены эмпирических доказательств. Среди них — ссылки на опыт федераций, потерпевших крах. “Число неудавшихся этнофедераций очень впечатляюще. Из восемнадцати этнофедераций, которые существовали в период с 1901 до середины 2008 г., восемь разрушились путем отделения (Австро-Венгрия, Чехословакия, Эфиопия, Малайзия, Пакистан, Сербия-Монтенегро, СССР и Югославия)” [Roeder 2009: 214]. Однако перечисленные государства не были демократическими и федеративными в подлинном смысле этого слова. Не менее важно и то, что в каждом из этих случаев распад был обусловлен не просто этническим федерализмом, а более глубокими причинами — войной, экономическими неурядицами, национализмом этнического большинства.

Этничность сама по себе — это политически нейтральное явление, не содержащее в себе никаких политических целей, хотя она может использоваться и используется для их достижения. При том состоянии межэтнических отношений, когда ни одна этническая группа не подминает под себя другие группы и ни одна из них не претендует на особый статус в обществе и государстве и особые привилегии, нет оснований считать этническую федерацию источником напряженности и конфликтов.

По мнению некоторых противников этнофедерализма, корень неудач этнических федераций кроется в их институциональном дизайне, и возможные в них институциональные вариации не меняют вызываемые ими отрицательные последствия. “Дьявол не в незначительных деталях, которые отличают одну форму этнофедерализма или автономного устройства от других, а в институциональном различии между этнофедеративными или автономными институтами, с одной стороны, и простыми федеративными и унитарными институтами — с другой” [ibidem]. При этом главным институциональным пороком этнофедерализма считается наличие у этнической группы политической автономии.

Однако если фатальной причиной краха этнофедерализма неизменно является институциональный дизайн, несмотря ни на какие его вариации, то почему терпят неудачу одни этнофедерации и остаются целостными и процветающими другие? Дело в том, что наиболее стабильны те этнофедерации, которые базируются на подлинно федералистских и демократических принципах. Как отметил немецкий политолог А. Хайнеманн-Грюдер, “норма выживаемости недемократических федераций, в частности, мультиэтнических, ниже, чем демократических федераций. Авторитарный федерализм внутренне неустойчив и может быть только промежуточной ситуацией — он может превратиться в авторитаризм без федерализма или федерализм без авторитаризма” [Heinemann-Grüder 2005: 30].

Наряду с абсолютным отрицанием этнофедерализма он подвергается критике и за отдельные приписываемые ему явления. К их числу часто относят создание этническими федерациями условий для сепаратистских устремлений. Среди таких условий называют, в частности, наличие у этнотерриториальных субъектов федерации границы с зарубежными государствами, компактное проживание этнической группы на определенной территории, наличие политической автономии, которая объявляется сильным ресурсом в руках сепаратистски настроенной политической элиты этнической группы.

Впрочем, нельзя ставить знак равенства между этнической составляющей федерации и этническим сепаратизмом. Компактное проживание этноса на определенной территории и введение на ней политической автономии ничего сепаратистского в себе не содержит и не предопределяет проявление этнического сепаратизма. Между этими явлениями нет причинно-следственной связи. Трудно не согласиться с мнением, что “нет причин принимать всегда существующую возможность сецессии за доказательство того, что многонациональные федерации потерпят неудачу и что сецессия должна произойти. Напротив, до сегодняшнего дня опыт на Западе предполагает, что демократические многонациональные федерации замечательно эластичны. Это предполагает, что слабые связи социального единства могут, тем не менее, быть устойчивыми связями и что условные лояльности могут быть мощными лояльностями” [Kymlicka 2005: 288].

Сам по себе этнофедерализм не порождает сепаратизм. Корни последнего совсем иные, и отношение к сепаратизму должно быть дифференцированным. Причиной сепаратистских устремлений может быть игнорирование коренных интересов нации (народа), ее (его) дискриминация в одной или нескольких сферах жизни и порожденное этим желание, выраженное на референдуме, отделиться и образовать собственное государство. Такое действие вытекает из права на самоопределение.

Иной вид сепаратизма имеет место вследствие особой позиции лидеров и политической элиты этнических групп, которые в корыстных интересах прибегают к этнической мобилизации на националистической основе. Российский опыт 90-х годов прошлого столетия свидетельствует о том, что лидеры некоторых республик, одни открыто, другие прячась за чужие спины, поощряли сепаратистские устремления. Они спекулировали на тяжелом советском наследии в сфере этнической политики и разыгрывали националистическую карту для давления на федеральный центр, шантажируя его и требуя либо полной независимости, либо большей самостоятельности и больших полномочий в распоряжении властью и собственностью. Тем самым они нанесли колоссальный ущерб строительству в России подлинно федеративных отношений.

В оценке сепаратизма следует учитывать противоположность двух общепризнанных принципов международного права – территориальной целостности государств и права народов на самоопределение – которая создает для государств проблему выбора: какого принципа придерживаться при решении того или иного международного конфликта с точки зрения их национальных интересов. Судя по имеющемуся опыту, все государства поступают в данном случае сугубо прагматически, что создает почву для политики двойных стандартов и перечеркивает эффективность международного права. В этой связи политика государств в последние годы заставляет пересмотреть проблему отделения от государства его

части (сепессии) и сепаратизма. Как свидетельствует недавний опыт Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Косово и Крыма, некоторые государства в определенных случаях с готовностью признают право на отделение, т.е. сепаратизм.

Этнофедерализм обвиняется его противниками и в том, что он порождает или усиливает в федеративной системе элементы асимметрии, что, по их мнению, ведет к неравноправию субъектов федерации и дестабилизирует государство. Однако этнофедерализм выступает инициатором асимметрии хотя бы потому, что фактически ни одна федерация в мире не является симметричной и не может быть таковой. В научной литературе было верно замечено: “если асимметрия означает многообразие, то асимметрия будет существовать всегда, а ее отрицание может привести к опасным последствиям” [Мендрас 1997: 8].

Этническая федерация, как и любая другая федерация, включает в себя элементы как симметрии, так и асимметрии. Например, в Российской Федерации одним из проявлений асимметрии служит то, что республики могут устанавливать свои государственные языки, которые действуют на территории этих республик наряду с общегосударственным русским языком. Другие субъекты федерации не имеют такого права, но данная асимметрия никак не нарушает их права и не создает напряженности в федеративной системе.

Показателем асимметричности является характер распределения федеральных трансфертов среди субъектов федерации, когда используется дифференцированный подход к регионам с разным уровнем финансовой обеспеченности. Регионы характеризуются разным уровнем жизни и разным отношением к ним федеральной власти. Все субъекты федерации независимо от этнического состава их населения делятся на доноров и реципиентов.

108 Асимметрия не порождает нестабильность федеративного государства. Более того, по признанию некоторых экспертов, асимметричность способна выступить как инструмент, “стабилизирующий межнациональные отношения (что имело место, например, в Бельгии) и позволяющий учитывать различия между регионами страны” [Основы теории... 1999: 157]. Специальное исследование, посвященное проблеме политической стабильности в федеративном государстве и базирующееся на изучении 44 бывших и нынешних федераций (как этнических, так и неэтнических), показало, что “асимметрия способствует политической стабильности” [Lemko 1991: 87].

В качестве предпосылки крушения этнофедераций в зарубежной литературе называлось наличие в них составляющего ядра этнического региона (*core ethnic region*), который по сравнению с другими регионами пользуется превосходством в численности населения. Такой регион способствует возникновению ситуации “дуальной власти”, которая лежит в основе развала государства: “все случаи крушения этнофедеративного государства после Второй мировой войны произошли в странах с составляющим ядро этническим регионом и ни одно государство без подобного региона не испытало такого чрезвычайного события, будь это раскол государства или масштабная гражданская война” [Hale 2004: 192]. В качестве примеров приводятся СССР периода борьбы российского центра власти против союзного центра, Чехословакия, Нигерия (периода первой республики). В то же время признается, что наличие такого этнического региона-ядра вовсе не предопределяет крушение этнической федерации, что подтверждают кейсы Индии (до 2000 г.) и Малайзии. Здесь можно было бы сослаться и на пример России, в которой существование русского ядра как раз цементирует общество и государство, придавая им необходимую устойчивость.

Чтобы избежать крушения, предлагается распределить доминирующую группу по ряду отдельных федеративных регионов вместо концентрации ее в субъекте федерации. В результате доминирующая группа столкнется с препятствиями для коллективных действий [Hale 2004: 166-167]. Кстати, именно так поступили власти Индии, разделив в 2000 г. большую территорию с доминирующей группой, говорящей на языке хинди, на несколько штатов в центральной и северной частях страны [Tillin 2015: 635].

Однако есть и другой опыт (Югославии), напротив, свидетельствующий о том, что реализация последней стратегии чревата тяжелыми последствиями. Как отмечалось в зарубежной литературе, “для политических элит двух самых больших народов страны, сербов и хорватов, государственность была на самом деле очень важным символом. Дробление ‘национальной территории’ сербов и хорватов в разное время в течение XX в. способствовало возникновению глубоких национальных кризисов, каждый из которых заканчивался насилием” [Basta 2014: 463].

Рассуждения о гибельности для этнической федерации наличия в стране региона-ядра представляются неубедительными и потому, что сам по себе институциональный дизайн нельзя рассматривать в отрыве от субъективного фактора: соотношения политических сил, выступающих “за” или “против” сохранения федерации, настроенности политической воли правящей элиты, состояния массового политического сознания и т.п.

ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Институциональный дизайн этнических федераций позволяет по-своему решать одну из важных задач государства в многонациональном обществе – создание условий для представительства этнических групп в органах государственной власти. Это имеет как политический, так и моральный смысл.

Внимание специалистов к этой проблеме объясняется в первую очередь интересами обеспечения стабильности общества и государства. “...Этнически разделенные общества, вероятно, генерируют большую стабильность, если все главные этнические группы вовлечены в процесс разработки и осуществления политики” [Ruiz-Rufino 2013: 115]. Напротив, маргинализация, недостаточное представительство и / или безвластие меньшинства “может представлять собой мощный стимул для отделения” [Beland, Lecours 2014: 344].

Привлечение этнических групп к управлению государством через политическое представительство выступает одним из инструментов интеграции их в общество [Nimni 2009: 329]. Нередко политическое представительство рассматривается как условие снижения интенсивности или устранения этнического конфликта. “Тезис, в соответствии с которым присутствие этнических меньшинств в национальных парламентах имеет сдерживающее влияние на уровень этнического конфликта, имеет относительно долгую традицию в политической науке” [Alonso, Ruiz-Rufino 2007: 243].

В полиэтническом обществе ни одна этническая общность не должна чувствовать себя изолированной и обиженной, поскольку в этом случае усиливается ее политическое отчуждение. “Этнические группы и другие фракции отчуждаются в ответ на политические ситуации, когда доступ к власти ограничивается” [Birnie 2007: 8]. Тем не менее в целом политическое представительство этнических групп является недостаточным. “Все исследования представительства этнических групп объединяет вывод, что члены этнических меньшинств в значительной мере слабо представлены на властных позициях” [Ruedin 2009: 337].

В институциональном плане достаточно широкие возможности для политического представительства этнических групп создает федерализм. “Такие институциональные решения, как федерализм и пропорциональные избирательные системы, рассеивают власть среди групп, делегируя им полномочия или облегчая их представительство в правительстве” [Elkins, Sides 2007: 694]. Но наиболее благоприятные условия для такого представительства создают этнические федерации, прежде всего, на уровне их этнических субъектов. В Российской Федерации, например, законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов федерации включают немалое (а иногда и преимущественное) количество представителей этнических меньшинств.

В демократических условиях этнические группы могут быть неплохо представлены и на федеральном уровне. Один из примеров — Россия. Наиболее распространенным и доступным способом является избрание представителей этих групп в общенациональный парламент. Они могут быть избраны как по партийным спискам, особенно этнических партий, если они не запрещены, так и по одномандатным округам. Дискуссию вызвал вопрос, какая из избирательных систем в наибольшей степени благоприятствует такому представительству. Так, утверждается, что при пропорциональной системе представительство этнических групп гарантируется, если предпочитаемые ими партии проходят электоральный барьер. Что касается одномандатных избирательных округов, то они “являются для меньшинств политически невыгодными” [Forest 2012: 321].

Реальная картина выглядит не так однозначно. При пропорциональной системе наиболее надежное представительство этнические группы получают через этнические партии. Однако, во-первых, в некоторых странах (например, в России, Франции, Швейцарии) они запрещены. Во-вторых, даже там, где они действуют легально, этнические партии испытывают большие трудности в преодолении избирательного барьера за недостатком собираемых голосов. Такие партии являются сильными и влиятельными в биэтнических федерациях (Бельгии, Канаде).

В одномандатных избирательных округах, многонациональных по составу избирателей, шансов для избрания представителя этнического меньшинства не так много. Наиболее благоприятные условия для этого создаются в тех округах, в границах которых этническое меньшинство составляет большинство населения. В США, которые не являются этнической федерацией, и в Канаде правительства идут сознательно на нарезку таких округов. В этом случае предполагается, что избиратели из меньшинства будут голосовать за кандидата одной с ними этнической принадлежности (этническое голосование). Кроме того, благодаря специфической нарезке одномандатных округов большинство избирателей принадлежит к этническому меньшинству, составляя критическую массу для избрания этнического кандидата [Goodnow, Moser 2012: 171-172].

При выборах этническое представительство базируется на принципе пропорциональности: количество полученных мандатов зависит от числа поданных избирателями голосов. Нарушение этого принципа может вызвать нежелательные с точки зрения общественного согласия последствия. Такое нарушение в виде сверхпредставительства титульных наций наблюдалось в республиках РФ, когда представители этих наций в органах государственной власти численно преобладали над всеми другими этническими группами, проживающими на территории республик. Обратной стороной этого сверхпредставительства стало недостаточное представительство других этнических групп. Возникал дисбаланс между этническим составом населения республик и этническим составом их органов власти.

Кроме пропорциональности, определенное распространение имеет принцип паритетности представительства этнических групп. В Швейцарии еще с 1848 г. в Федеральном Совете (Правительстве), состоящем из семи членов, не менее двух мест должно было принадлежать франкоязычным швейцарцам и / или италоязычным. “Таким образом, Швейцария следовала неформальным, косвенным и / или подразумеваемым образцам для того, чтобы обеспечить честное представительство лингвистических меньшинств, основанное на общей приверженности в пользу меньшинств” [Dardanello, Stojanovic 2011: 365-3366]. По словам другого автора, “с учетом того, что лингвистические меньшинства составляли только около 30% населения, в Совете они были даже слегка сверхпредставлены. С тех пор лингвистические меньшинства всегда имели в Федеральном Совете, по крайней мере, двух представителей” [Steiner 2003: 178].

После крушения Югославии в Боснии и Герцеговине был введен институт президентства, состоящий из трех членов — боснийца, серба и хорвата, а также сформирована двухпалатная законодательная ассамблея, состоящая из представителей трех общин. Например, в Палате Народов 15 членов — 5 боснийцев, 5 хорватов и 5 сербов. В Косово места в парламенте зарезервированы для сербов, цыган и других этнических групп [Htun 2004: 446, 453].

На паритетном представительстве основаны биэтнические федерации. Так, в Бельгии существует конституционная норма о так наз. равном составе, согласно которой, например, Совет Министров должен состоять из одинакового числа министров, говорящих на голландском и французском языках, за возможным исключением премьер-министра. Верхняя палата парламента — Сенат — состоит из 70 сенаторов (35 нидерландоязычных и 35 франкоязычных). Сенаторы назначаются соответственно фламандским и французским сообществами. Решения принимаются сначала на уровне каждой языковой группы 2 / 3 голосов, затем всем Сенатом, также квалифицированным большинством.

Существенную роль в решении трансфертных вопросов в Бельгии играет Высший Совет по финансам, который состоит из 12 человек с равным числом членов франкоговорящих и говорящих на нидерландском языке. Этот Совет дает ежегодные рекомендации по поводу финансовых требований правительств федерации и субъектов федерации. Рекомендации Совета имеют большую моральную силу, и обычно им следуют [Choudhry, Perrin 2007: 276]. Принцип паритетности представительства обеих этнолингвистических групп применяется в судебной системе [Федерализм: теория, институты... 2000: 250-251].

Таким образом, в Бельгии обе крупнейшие этнические группы довольно полно представлены на федеральном уровне. Иная ситуация сложилась с представительством этнических меньшинств. И хотя в последние годы оно увеличилось, особенно в Брюсселе и на местном уровне, на региональном и общенациональном уровнях представительство этнических меньшинств остается низким. Так, во фламандском парламенте насчитывается только 4% представителей этнических меньшинств [Celis 2013: 163].

В Канаде одним из примеров реализации принципа институционального представительства этнолингвистических групп в политической практике является существующее с 1867 г. правило репрезентативности в правительстве Канады представителей основных языковых групп — англоканадцев и франкоканадцев.

Другими способами обеспечения представительства этнических групп в органах государственной власти в условиях многонациональных обществ являются квотирование, включение представителей этнических меньшинств

в избирательные списки общенациональных партий, резервирование, снижение избирательного порога для этнических партий. “Резервирование мест и сниженный порог – два эффективных способа, которые используют страны, чтобы помочь этническим меньшинствам завоевать места в законодательном органе” [Lublin, Wright 2013: 746]. Действенность различных способов во многом зависит от их институционального закрепления. Однако создание надежных институтов распределения власти в этнически разделенном обществе представляет большую трудность.

В зарубежной литературе политическое представительство этнических групп тесно увязывается с проблемой распределения власти. Одно из описаний последнего состоит в следующем: “ключевой идеей любой конструкции распределения власти является то, что две или более этнонациональные группы должны совместно управлять общим государством и принимать решения консенсусом. Ни одна группа не может решать важные вопросы без согласия другой. На основе неформальных или формальных норм все группы имеют доступ к политической власти и другим ресурсам” [Schnekener 2002: 203].

Достаточно актуальна проблема политического (государственного) представительства этнических групп и для России, которая отличается разнообразным по этническому составу населением с численным доминированием этнических русских. Хотя нельзя сказать, что она воспринимается в массовом сознании и экспертном сообществе как животрепещущая.

Поскольку существуют этнические группы с их специфическими интересами, проблема их представительства в органах государственной власти не снимается. Проведенные социологами исследования дали им основание полагать, что “исчезновение этничности в условиях глобализации – скорее миф, чем реальность” [Дробижева 2010: 431].

В РФ нет законодательного закрепления на федеральном уровне политического представительства этнических групп, как и сложившейся практики такого представительства. Вполне возможно, что отсутствие институциональных предпосылок для этнического представительства на федеральном уровне объясняется нежеланием политизировать этничность.

Впрочем, сказанное вовсе не означает, что в России разные этнические группы, включая этнические меньшинства, не представлены в органах государственной власти. На выборах в Государственную Думу по пропорциональной системе общенациональные политические партии всегда включают в свои списки представителей разной этнической принадлежности, особенно в национально-территориальных регионах, хотя это и не закреплено законодательно. Кроме того, есть еще государственный региональный и муниципальный уровни представительств.

Если процесс обеспечения политического представительства этнических групп на федеральном уровне в России законодательно не упорядочен, этого нельзя сказать о региональном уровне. Здесь есть примеры институционального обеспечения представительства этнических групп в законодательных органах субъектов Федерации. Так, представительный орган Ханты-Мансийского автономного округа – Дума – состоит из 35 депутатов, из которых 18 избираются по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты, выдвинутых избирательными объединениями. 14 депутатов – по одномандатным избирательным округам, а 3 депутата представляют в законодательном (представительном) органе автономного округа коренные малочисленные народы.

Таким образом обеспечивается представительство частично по этническому признаку. Политическое представительство этнических групп институционально обеспечивается также в республиках Дагестан и Саха-Якутия.

Однако общая картина такого представительства по всей стране пока отсутствует и не в последнюю очередь из-за того, что отменено указание национальной принадлежности в паспорте и других официальных документах. Соответственно трудно определить, насколько обеспечивается политическое представительство тех или иных этнических групп. В конечном счете это приведет к тому, что политическое представительство этнических групп станет трудно разрешимой проблемой. В любом случае важно добиваться, чтобы представительство этнических групп не было использовано для разыгрывания “национальной карты” в угоду националистическим целям и этноцентризму, для разрушения общегражданской идентичности.

Этнические федерации и их институты имеют скорее положительный потенциал, чем отрицательный, и главный вывод заключается в том, что институты любой этнофедерации отражают в первую очередь состояние межэтнических отношений в конкретном обществе. Как следствие, анализ состояния и функций указанных институтов нужно начинать с исследования положения этнических групп и характера межэтнических отношений, по которому можно судить, насколько формальны или действенны эти институты. Поэтому же нельзя оценивать все этнические федерации одинаково; каждая из них должна оцениваться отдельно, с учетом состояния межэтнических отношений и характера этнофедерации.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. 1982. — *Международное право в документах*. М.: Юридическая литература. 853 с.

Дробужева Л.М. 2010. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики. — *Вестник Института социологии*. № 1. С. 430-442.

Дьячков М.В. 1993. О национально-территориальной, национально-государственной и национально-культурной автономии. — *Социологические исследования*. № 11. С. 99-102.

Мендрас М. 1997. Асимметрия или многообразие. — *Асимметричность Федерации*. М.: Изд-во Центра конституционных исследований Московского общественного научного фонда. С. 5-12.

Основы теории и практики федерализма. 1999. Институт Европейской политики Католического университета. 233 с.

Пантин В.И., Лапкин В.В. 2015. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 75-93. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.07>

Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование). 2000. М.: Юристъ. 376 с.

Филиппов В.Р. 2003. *Критика этнического федерализма*. М.: ЦЦРИ РАН. 354 с.

Харитонов О.Г. 2013. СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации. — *Политическая наука*. № 3. С. 190-205.

Харитонов О.Г. 2014. Босния и Герцеговина в СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации. — *Сравнительная политика*. № 1. С. 22-31.

Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке. 2014. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ. 184 с.

Alonso S., Ruiz-Rufino R. 2007. Political Representation and Ethnic Conflict in New Democracies. — *European Journal of Political Research*. Vol. 46. No. 2. P. 237-267. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2007.00693.x>

Bakke K.M., Cao X., O' Loughlin J., Ward M.D. 2009. Social Distance in Bosnia-Herzegovina and the North Caucasus Region of Russia: Inter and Intra-Ethnic Attitudes and Identities. — *Nations and Nationalism*. Vol. 15. No. 2. P. 227-253. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2009.00363.x>

Basta K. 2014. The State as a Symbol or a Means to an End: Internal Border Changes in Multinational Federations. — *Nations and Nationalism*. Vol. 20. No. 3. P. 459-480. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12050>

Beland D., Lecours A. 2014. Accommodation and the Politics of Fiscal Equalization in Multinational States: The Case of Canada. — *Nations and Nationalism*. Vol. 20. No. 2. P. 337-354. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12049>

Birnie J.K. 2007. *Ethnicity and Electoral Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 213 p.

Burgess M. 2006. *Comparative Federalism. Theory and Practice*. N.Y.: Routledge. 376 p.

Celis K. 2013. Visible Ethnic Minorities in Local Political Parties: A Case Study of Two Belgian Cities (Antwerp and Ghent). — *Politics*. Vol. 33. No. 3. P. 160-171. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12018>

Choudhry S., Perrin B. 2007. The Legal Architecture of Intergovernmental Transfers: A Comparative Examination. — *Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice*. Ed. by R. Boadway, A. Shah. Washington, D.C.: The World Bank. P. 259-292.

Dardanello P., Stojanovic N. 2011. The Acid Test? Competing Theses on the Nationality — Democracy Nexus and the Case of Switzerland. — *Nations and Nationalism*. Vol. 17. No. 2. P. 357-376. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2010.00453.x>

Deiwiks C. 2010. *The Curse of Ethnofederalism? Ethnic Group Regions, Subnational Boundaries and Secessionist Conflict*. ETH Zurich, February 8, 2010.

Elkins Z., Sides J. 2007. Can Institutions Build Unity in Multiethnic States? — *American Political Science Review*. Vol. 101. No. 4. P. 693-708. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055407070505>

Forest B. 2012. Electoral Redistricting and Minority Political Representation in Canada and the United States. — *Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. Vol. 56. No. 3. P. 318-338. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.2012.00437.x>

Goodnow R., Moser R.G. 2012. Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia. — *Comparative Political Studies*. Vol. 45. No. 2. P. 167-193. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011421310>

Hale H.E. 2004. Divided We Stand. Institutional Sources of Ethnofederal States Survival and Collapse. — *World Politics*. Vol. 56. No. 2. P. 165-193. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2004.0011>

Heinemann-Grüder A. 2005. *Russia's Ethnofederalism: Under-Institutionalized, Not Self-Sustaining*. Paper Presented at the Conference on "The Russian Federation and the EU — New Dimensions of Regionalism and Federalism". University of Leuven. 8 November 2005.

Htun M. 2004. Is Gender like Ethnicity? The Political Representation of Identity Groups. — *Perspective on Politics*. Vol. 2. No. 3. P. 439-458.

Iff A. 2013. Peace-Promoting Federalism: Making Sense of India and Nigeria. — *Publius: The Journal of Federalism*. Vol. 43. No. 2. P. 227-250. DOI: <https://doi.org/10.1093/publius/pjs031>

Kymlicka W. 2005. Federalism, Nationalism, and Multiculturalism. – *Theories of Federalism: A Reader*. N.Y.: Palgrave Macmillan. P. 269-292. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-05549-1_24

Lemko J. 1991. *Political Stability in Federal Governments*. N.Y.: Praeger. viii, 209 p.

Lublin D., Wright M. 2013. Engineering inclusion: Assessing the effects of pro-minority representation policies. – *Electoral Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 746-755. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.001>

Nimni E. 2009. Nationalism, Ethnicity and Self-Determination: A Paradigm Shift? – *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol. 9. No. 2. P. 319-332. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2009.01039.x>

Roeder Ph.G. 2009. Ethnofederalism and the Mismanagement of Conflicting Nationalisms. – *Regional and Federal Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 203-219. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597560902753420>

Ruedin D. 2009. Ethnic Group Representation in a Cross-National Comparison. – *The Journal of Legislative Studies*. Vol. 15, No. 4. P. 335-354. DOI: <https://doi.org/10.1080/13572330903302448>

Ruiz-Rufino R. 2013. Satisfaction with Democracy in Multi-ethnic Countries: The Effect of Representative Political Institutions on Ethnic Minorities. – *Political Studies*. Vol. 61. No. 1. P. 101-118. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00955.x>

Schertzer R. 2008. Recognition or Imposition? Federalism, National Minorities, and Supreme Court of Canada. – *Nations and Nationalism*. Vol. 14. No. 1. P. 10-126. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2008.00324.x>

Schnekener U. 2002. Making Power-Sharing Work: Lessons from Successes and Failures in Ethnic Conflict Regulation. – *Journal of Peace Research*. Vol. 39. No. 2. P. 203-228. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343302039002004>

Stanovičić V. 1992. Problems and Options in Institutionalizing Ethnic Relations. – *International Political Science Review*. Vol. 13. No. 4. P. 359-379. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251219201300402>

Steiner J. 2003. Conditional Integration and Swiss Federalism: A New Openness to Europe? – *The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems. A Comparative Analysis*. Kingston: McGill-Queen's University Press. 371 p.

Tillin L. 2015. Explaining Territorial Change in Federal Democracies: Comparative Historical Institutional Approach. – *Political Studies*. Vol. 63. No. 3. P. 626-664. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12118>

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.07

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF ETHNIC FEDERATIONS

M.Kh. Farukshin¹

¹*Kazan Federal University. Kazan, Russia*

FARUKSHIN Midkhat Khabibovich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Political Science, Kazan Federal University. Email: Midkhat.Farukshin@ksu.ru

Farukshin M.Kh. Institutional Foundations of Ethnic Federations. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 2. P. 103-117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.07>

Received: 17.05.2016. Accepted: 09.09.2016

Abstract. The main topic of the article is analysis of institutional foundations of the ethnic federations. Special attention is paid to consideration of the two key problems: instrumental role of such federations and political representation of ethnic groups, including ethnic minorities. It is underlined that ethnic federations

can play positive role and at the same time they don't exclude the risk of destabilization and separatism. From the positive side, these federations provide for ethnic groups an opportunity for realization of their right for self-determination up to creation of their own state or political autonomy within the framework of a single state. Ethnic federations also broaden the opportunities for protection of culture, language, traditions and identity of ethnic minorities. Often ethnic federations are considered as a device for settling of ethnic conflicts, overcoming of separatism and for social integration. As the international experience shows, ethnofederalism serves as a means for securing territorial integrity of states. Ethnicity itself does not have any political content but can be used for political aims. From the negative side, a political autonomy of federal subunits can be used by ethnic political elites for ethnic mobilization in order to provide their mercenary interests not rarely connected with secession. Ethnic federations are often unstable. From the contradictory interaction of two general principles of international law – territorial integrity of states and right of nations for self-determination, a necessity follows to differentiate an estimate of secession and separatism. The author criticizes those scholars who ascribe to ethnic federations shortcomings not emanating from the objective nature of those federations. For an obvious reason political representation of ethnic groups has both moral and political meaning. It provides social integration of ethnic groups and political stability of foundations of society and state. Representation is conducive to overcoming of ethnic minorities' estrangement. It is a condition for reduction of intensity of the ethnic conflict. The author shows different means for providing political representation: proportionality, parity, quota, reserving and some others.

Keywords: ethnic federation; ethnofederalism; institution; ethnic group; political representation; ethnic minority; right for self-determination; ethnic conflict.

References

Alonso S., Ruiz-Rufino R. Political Representation and Ethnic Conflict in New Democracies. – *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. No. 2. P. 237-267. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2007.00693.x>

Bakke K.M., Cao X., O' Loughlin J., Ward M.D. 2009 Social Distance in Bosnia-Herzegovina and the North Caucasus Region of Russia: Inter and Intra-Ethnic Attitudes and Identities. – *Nations and Nationalism*. Vol. 15. No. 2. P. 227-253. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2009.00363.x>

Basta K. The State as a Symbol or a Means to an End: Internal Border Changes in Multinational Federations. – *Nations and Nationalism*. 2014. Vol. 20. No. 3. P. 459-480. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12050>

Beland D., Lecours A. Accommodation and the Politics of Fiscal Equalization in Multinational States: The Case of Canada. – *Nations and Nationalism*. 2014. Vol. 20. No. 2. P. 337-354. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12049>

Birnir J.K. *Ethnicity and Electoral Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2007. 213 p.

Burgess M. *Comparative Federalism. Theory and Practice*. N.Y.: Routledge. 2006. 376 p.

Celis K. Visible Ethnic Minorities in Local Political Parties: A Case Study of Two Belgian Cities (Antwerp and Ghent). – *Politics*. 2013. Vol. 33. No. 3. P. 160-171. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12018>

Choudhry S., Perrin B. The Legal Architecture of Intergovernmental Transfers: A Comparative Examination. – *Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice*. Ed. by R. Boadway, A. Shah. Washington, D.C.: The World Bank. 2007. P. 259-292.

Dardanello P., Stojanovic N. The Acid Test? Competing Theses on the Nationality – Democracy Nexus and the Case of Switzerland. – *Nations and Nationalism*. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 357-376. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2010.00453.x>

Deiwiks C. *The Curse of Ethnofederalism? Ethnic Group Regions, Subnational Boundaries and Secessionist Conflict*. ETH Zurich. 2010.

Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya druzhestvennykh otnoshenii i sotrudnichestva mezhdu gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizatsii Ob"edinennykh Natsii [Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations]. – *Mezhdunarodnoe pravo v dokumentakh* [International Law in Documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 1982. 853 p. (In Russ.)

Drobizheva L. Ethnicity in the Modern Society: New Approaches, Old Myths, Social Practices. – *Vestnik Instituta Sotziologii*. 2010. No. 1. P. 429-442. (In Russ.)

D'yachkov M.V. On the National-territorial, National-state and National-cultural Autonomy. – *Sociological Studies*. 1993. Vol. 11. P. 99-102. (In Russ.)

Elkins Z., Sides J. Can Institutions Build Unity in Multiethnic States? – *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101. No. 4. P. 693-708. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055407070505>

Enichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problemy etnicheskogo federalizma v XXI veke [Ethnicity. Culture. Statehood. Problems of Ethnic Federalism in the XXI Century]. Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI. 2014. 184 p. (In Russ.)

Federalizm: teoriya, instituty, otnosheniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [Federalism: Theory, Institutions, Relations (a Comparative-Law Study)]. Moscow: Yurist. 2000. 376 p. (In Russ.)

Filippov V.R. *Kritika etnicheskogo federalizma* [Critique of the Ethnic Federalism]. Moscow. TsTsRI RAN. 2003. 354 c. (In Russ.)

Forest B. Electoral Redistricting and Minority Political Representation in Canada and the United States. — *Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. 2012. Vol. 56. No. 3. P. 318-338 DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.2012.00437.x>

Goodnow R., Moser R.G. Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia. — *Comparative Political Studies*. 2012. Vol. 45. No. 2. P. 167-193. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011421310>

Hale H.E. Divided We Stand. Institutional Sources of Ethnofederal States Survival and Collapse. — *World Politics*. 2004. Vol. 56. No. 2. P. 165-193. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2004.0011>

Heinemann-Grüder A. *Russia's Ethnofederalism: Under-Institutionalized, Not Self-Sustaining*. Paper presented at the Conference on "The Russian Federation and the EU — New Dimensions of Regionalism and Federalism". University of Leuven, 2005.08.11.

Htun M. Is Gender like Ethnicity? The Political Representation of Identity Groups. — *Perspective on Politics*. 2004. Vol. 2. No. 3. P. 439-458.

Iff A. Peace-Promoting Federalism: Making Sense of India and Nigeria. — *Publius: The Journal of Federalism*. 2013. Vol. 43. No. 2. P. 227-250. DOI: <https://doi.org/10.1093/publius/pjs031>

Kharitonova O.G. SFRY: Institutional Problems of Ethnic Federation. — *Political Science (RU)*. 2013. No. 3. P. 190-205.

Kharitonova O.G. Bosnia and Croatia in Socialist Federal Republic of Yugoslavia: Institutional Problems of an Ethnic Federation. — *Comparative Politics Russia*. 2014. Vol. 5. No. 1(14). P. 22-30. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-22-30](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-22-30)

Kymlicka W. Federalism, Nationalism, and Multiculturalism. — *Theories of Federalism: A Reader*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2005. P. 269-292. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-05549-1_24

Lemko J. *Political Stability in Federal Governments*. N.Y.: Praeger. 1991. viii, 209 p

Lublin D., Wright M. Engineering Inclusion: Assessing the Effects of Pro-minority Representation Policies. — *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 4. P. 746-755. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.001>

Mendras M. Asimmetriya ili mnogoobrazie [Asymmetry or Diversity]. — *Asimmetrichnost' Federatsii* [Asymmetry of the Federation]. Moscow: Izd-vo Tsentra konstitutsionnykh issledovaniy Moskovskogo obshchestvennogo nauchnogo fonda. 1997. P. 5-12. (In Russ.)

Nimmi E. Nationalism, Ethnicity and Self-Determination: A Paradigm Shift? — *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2009. Vol. 9. No. 2. P. 319-332. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2009.01039.x>

Osnovy teorii i praktiki federalizma [Foundations of the Theory and Practice of Federalism]. Institut Evropeiskoi politiki Katolicheskogo universiteta. 1999. 233 p. (In Russ.)

Pantin V.I., Lapkin V.V. Ethnopolitical and Ethnosocial Processes in Post-Soviet Countries (Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine Cases). — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 5. P. 75-93 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.07>

Roeder Ph.G. 2009 Ethnofederalism and the Mismanagement of Conflicting Nationalisms. — *Regional and Federal Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 203-219. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597560902753420>

Ruedin D. Ethnic Group Representation in a Cross-National Comparison. — *The Journal of Legislative Studies*. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 335-354. DOI: <https://doi.org/10.1080/13572330903302448>

Ruiz-Rufino R. Satisfaction with Democracy in Multi-ethnic Countries: The Effect of Representative Political Institutions on Ethnic Minorities. — *Political Studies*. 2013. Vol. 61. No. 1. P. 101-118. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00955.x>

Schertzer R. Recognition or Imposition? Federalism, National Minorities, and Supreme Court of Canada. — *Nations and Nationalism*. 2008. Vol. 14. No. 1. P. 10-126. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2008.00324.x>

Schnekener U. Making Power-Sharing Work: Lessons from Successes and Failures in Ethnic Conflict Regulation. — *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39. No. 2. P. 203-228. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343302039002004>

Stanović V. Problems and Options in Institutionalizing Ethnic Relations. — *International Political Science Review*. 1992. Vol. 13. No. 4. P. 359-379. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251219201300402>

Steiner J. Conditional Integration and Swiss Federalism: A New Openness to Europe? — *The Impact of Global and Regional Integration on Federal Systems. A Comparative Analysis*. Kingston: McGill-Queen's University Press. 2003. 371 p.

Tillin L. Explaining Territorial Change in Federal Democracies: Comparative Historical Institutional Approach. — *Political Studies*. 2015. Vol. 63. No. 3. P. 626-664. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12118>